

рию имели место уже в VI в., но расселение этих народов затронуло тогда только северные области Балканского полуострова (т. IV, с. 185); в начале VII в. славяне продвигаются на юг, достигая Крита. Исследователь объявляет необоснованным утверждение (не названных им авторов), будто местное население встречало варваров с распростертыми объятиями (с. 187). Число расселившихся в Греции славян Стратос считает небольшим, да и те, по его мнению, быстро подверглись эллинизации (с. 188 и сл.), — точка зрения, надо заметить, вообще господствующая в греческой историографии.

Главы о внутреннем состоянии государства и внутренней политике императоров имеются в каждом из томов, однако характеристика внутреннего строя односторонняя и неполная. Стратос останавливается преимущественно на финансовом гнете и чеканке монеты, а также на перестройке администрации и армии (в основном все сведено к установлению фем). Важнейший вопрос о социальных сдвигах VII в. почти не затронут, а ответственное утверждение, будто мероприятия Ираклия по раздаче земель стратиготам воспрепятствовали утверждению феодализма в Византии (т. II, с. 696), оставлено без какой-либо аргументации. Конечно, можно опять-таки сослаться на скудость источников, — но Стратос не использует археологический материал, который совершенно в новом свете представляет судьбу позднеримского города в VII в.² и очень бегло привлекает нумизматические и сигиллографические данные. Думаю также, что просопография могла бы послужить продуктивным средством при анализе сдвигов в структуре господствующего класса, как и при изучении церковной борьбы.

Всю вину за создавшийся к концу VI в. кризис Стратос возлагает на Юстиниана I и его ближайших преемников (т. I, с. 29 и сл.), тогда как деятельность Маврикия он оценивает более благоприятно (с. 31, резче — на с. 100 и сл.). Ираклий представляется исследователю подлинным реформатором (именно с ним — вопреки А. Пертузи — Стратос связывает организацию первых фем; т. II, с. 717), хотя уступки Ираклия церкви Стратос считает важной его ошибкой (с. 694). На самом деле, вероятно, перестройка византийской общественной структуры была результатом не столько политики тех или иных императоров и патриархов, сколько итогом спонтанных социально-экономических, этнических и культурных движений эпохи.

Короче говоря, Стратос предложил нам *описание* внешнеполитических и церковных событий VII в. — описание объективное и критическое, основанное на многообразных (преимущественно нарративных) источниках, к которым автор относится осторожно и строго, что позволяет ему высказать ряд остроумных объяснений и переосмыслить некоторые факты. Но читателю второй половины XX в. этого уже мало — он хочет думать о тех процессах, которые движут обществом. В этой сфере книга Стратоса дает немного: мы извлекаем из нее надежную хронологию походов Ираклия на персов, но она не объясняет нам, сохранился ли в VII в. античный общественный организм с его феноменом урбанизации или по какой-то причине он уступил место иному типу общества.

Книга Стратоса переведена на английский язык³.

А. К.

R. Brown ing. *Byzantium and Bulgaria*. London, 1975, 232 p.

Работа Р. Браунинга представляет собой первый опыт сравнительного исследования экономического, политического и культурного развития двух обществ, византийского и болгарского, в период раннего средневековья. Книга состоит из следующих глав: 1. Введение. 2. Балканский полуостров в период поздней античности и происхождение Болгарского государства. 3. Болгаро-византийские отноше-

² Я очень сомневаюсь, например, в правильности тезиса Стратоса (т. II, с. 691) о том, что персидские победы приводили к реальному переселению крестьян в города.

³ *Stratos A. N. Byzantium in the VIIth Century*, vol. I—III. The Hague—Amsterdam, 1968—1972.

ния в IX—X вв. 4. Земельные владения. 5. Города. 6. Ремесло и торговля. 7. Политическая структура. 8. Религия. 9. Культура. 10. Быт и нравы. 11. Заключение и приложения — хронологическая таблица, библиография, указатель.

В предисловии автор наметил основные вопросы, которые затронуты в его работе: чем отличался образ жизни в Болгарии от образа жизни в Византии; привели ли несколько веков оторванности Болгарии от цивилизации Средиземноморья к необратимым изменениям в структуре и функциях болгарского общества; каким образом разница в уровнях экономического развития Болгарии и Византии влияла на их отношения и на внутреннее развитие каждой из стран; почему славяне, находившиеся в непосредственной близости от Византии, сохранили свой этнический облик и культуру. Решение этих вопросов, по мнению автора, имеет огромное значение. «Отношения между Болгарией и Византией имеют далеко не местное и временное значение. Благодаря им сформировались определенные устойчивые черты православного славянского мира, оказавшие влияние на развитие европейской истории вплоть до сегодняшнего дня» (с. 16).

В период с IV по IX в. Балканский полуостров в результате нашествия варваров полностью изменил свой этнический облик. Основным населением полуострова стали славяне, частично поглотившие местное население¹. Автор отмечает, что симбиоз византийского и славянского населения начался довольно рано. К концу IX в. славянам в Греции и Южной Македонии, не создавшим собственной политической организации, грозила опасность поглощения византийской цивилизацией и утраты этнических особенностей. Иной была картина на севере полуострова. Здесь славяне, объединенные в государство протоболгарами, в котором они, однако, играли доминирующую роль, не утратили своего языка и культуры.

Нашествие варваров явилось, по мнению автора, главной причиной быстрых изменений в поземельных отношениях Византии. «Крупные имения с рабами и колонами исчезли, и их место заняли общины свободных крестьян — свободных в том смысле, что они не были зависимы ни от кого, кроме центрального правительства» (с. 83).

Проводя сравнительный анализ развития поземельных отношений Болгарии и Византии, автор приходит к выводу, что оно шло в одном направлении: от свободной крестьянской общины к формированию вотчины, складыванию личной зависимости крестьян. Своеобразие этого процесса в каждом из государств, обусловленное рядом географических, исторических, политических условий, заключалось в следующем: «Первое — формирование крупной вотчины в Болгарии началось позже и происходило медленнее. Слой свободного крестьянства был еще очень велик, когда Василий II положил конец независимости Болгарии. Второе — в Болгарии, по всей видимости, не было военных держаний. Болгарская армия представляла собой народное ополчение, собиравшееся по призыву властей, в то время как византийская армия была профессионально-элитарной. Третье — последствия разрушения общины в Болгарии были более решительными. Крестьяне, оторванные по той или иной причине от земли, не могли найти работу из-за отсталости болгарской экономики и легко попадали в долговое рабство» (с. 87—88).

Отмечая отсталость болгарской экономики (отсутствие денежного обмена, узость внутреннего рынка, слабость купеческого сословия), Браунинг полагает, что главными факторами, тормозившими развитие Болгарии, были близость Византии, сковавшей развитие болгарского ремесла и торговли, и нужды армии, вызванные постоянными войнами.

К сожалению, в книге нет специального анализа социальных отношений в византийском и славянском обществе.

Что касается политической структуры, то Браунинг отмечает, что болгары заимствовали некоторые элементы византийской административной системы еще до 1018 г., «однако это еще не было полным повторением византийской политиче-

¹ Касаясь вопроса о происхождении славян, автор повторяет старый тезис о сарматском происхождении хорватов, давно отвергнутый историками; см.: *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1974, с. 17.

ской организации, которое мы видим во Втором Болгарском царстве после почти двухвекового византийского владычества» (с. 130)².

В области культурного развития автор отмечает, что, хотя Болгария стала провинцией византийского мира, восприняв византийские христианские традиции, она, однако, сохраняла и развивала свои самобытные черты.

В краткой заключительной главе Браунинг формулирует четыре основных различия между болгарским и византийским обществом: 1) византийское общество автор называет «тоталитарным» в том смысле, что существовало непосредственное подчинение каждой личности императорской власти, тогда как в Болгарии принадлежность к общине, племени зачастую являлась для личности более важной, чем подданство царю; 2) византийцы сознавали свою «уникальность» в мире, болгарин же считал себя принадлежащим не только к болгарскому народу, но и частью огромного славянского мира; 3) в Византийской империи земля была объектом купли-продажи, в Болгарии в IX—X вв. общинная земля не могла на законном основании переходить из рук в руки, что придавало более патриархальный характер всем общественным отношениям; 4) отсутствие денежных отношений в Болгарии обуславливало значительно меньшую социальную мобильность общества по сравнению с Византией (с. 195—197).

Эти коренные различия в жизни болгарского и византийского общества, по мнению Браунинга, сделали невозможным для Болгарии принятие византийской модели развития. В период правления Бориса и Симеона сложился образ жизни, хотя и заимствованный частично у Византии, но самостоятельный по существу. Он и стал основой возникновения народного самосознания, послужившего главным препятствием для поглощения Болгарии византийской цивилизацией.

О. Иванова

Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973, 167 с.

Написанная по-грузински и (в сокращенном варианте) по-русски¹, книга Г. А. Меликишвили привлекает логической стройностью: несмотря на скудость — по меркам медиевиста — доступных источников, автору удалось нарисовать внутренне непротиворечивую и убедительную картину, связав становление единого Грузинского государства в XI—XII вв. с локальными особенностями развития здесь феодальных отношений. Меликишвили выделяет в пределах Грузии два основных региона, отличавшихся темпами социально-экономического развития. Картли (Иберия, Восточная Грузия) и Тао-Кларджети уже в позднеантичное время опережали Кахетию, Лазское царство и Авастию (Абхазию), и в дальнейшем процесс феодализации пошел там быстрее. В IX—X вв. в Картли и Тао-Кларджети господствовали азнауры — феодальные сеньоры, сложилась иерархическая структура собственности и вассалитет, а монарх был «первым среди равных» (с. 145). Напротив, в Кахетии и Абхазии сохранялись массы свободных общинников, особенно среди горцев, и феодальное землевладение не стало господствующим. Эти воины-земледельцы, а также мелкие феодалы и торгово-ремесленное население городов составляли опору царской власти в ее борьбе против независимости картлийских и таосских азнауров (с. 148—150).

Исходя из этого Меликишвили выступает против традиционного представления о Тао-Кларджети как центре и двигателе объединения Грузии. Инициатором объ-

² Утверждение автора, что политическая система Второго Болгарского царства была точной копией византийской системы, без специального анализа источников кажется сомнительным.

¹ В русском варианте, в частности, отсутствует изложение третьей главы, опубликованное по-русски отдельно: *Меликишвили Г. А. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье.* — В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 14.